

КОЭВОЛЮЦИЯ ТРЕХ ПОРЯДКОВ – ОБЪЯСНЕНИЕ ДИНАМИКИ РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ

РОЗОВ Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (nrozov@gmail.com).

Аннотация. На основе синтеза классических и современных социологических концептов предложена модель коэволюции трех порядков: функционального (предметы заботы, обеспечивающие их структуры, сопутствующие издержки и напряжения), социального (взаимодействия, практики, отношения, организации, социальные структуры и институты) и ментального (пять типов установок и габитусы как их комплексы). Стабильная фигурация является относительно сбалансированным их сочетанием. Ее нарушает рост издержек и накопление напряжений, внутренние и внешние вызовы-угрозы, а также вызовы-возможности. Сформулированы условия выбора траекторий исторической динамики, зависящие от характера ответных стратегий на вызовы: поэтапные изменения, эскалация конфликтов, турбулентные периоды, быстрый подъем и расцвет, переход на более высокую стадию эволюции. На основе этой модели предложено объяснение устойчивости структуры российских циклов: попытки «либерализации сверху», их провалы и последующие «авторитарные откаты».

Ключевые слова: социальная эволюция • историческая динамика • макросоциология • социальный порядок • ментальный порядок • функциональная модель • вызов и ответ • фигурация • российские циклы • либерализация • авторитарный откат

DOI: 10.31857/S013216250001954-2

Модель порядков как дополнение веберианской схемы. Историческая макросоциология в качестве общей теории нуждается в понятийной схеме (связи базовых концептов, парадигме), применимой к анализу разных культур, обществ, исторических эпох. Все чаще используется концептуально богатая и эвристичная веберианская схема М. Манна: политика/власть/государство; экономика/богатство/рынки; насилие/могущество/геополитика; религия/культура/символы [Манн, 1986]. Схема схватывает важнейшие социальные универсалии. Претензии к ней перечисляются ниже с тем, чтобы ее дополнить:

- в элементах веберианской схемы четырех сфер нет имманентных механизмов исторических изменений; они могут быть «навязаны извне» при описании отдельных трансформаций (например, рынки расширяются, к могуществу стремятся, население растет и т.п.), но такие объяснения ad hoc не позволяют продвинуться к пониманию фундаментальных движущих сил исторической динамики и социальной эволюции;

- в схеме есть большая лакуна – сами люди как разумные существа с их сознанием и поведением; блок религия/культура/символы отчасти восполняет лакуну (поскольку сознание каждого человека пронизано воспринятой им культурой), однако не в меньшей степени сознание «форматировано» пережитым социальным опытом; кроме того, само сознание как реальность и категория не сводимо к веберианским универсалиям при всей их значимости;

- разделение политики, экономики и культуры нам привычно и естественно как наследникам нового времени Европы, однако за пределами этой традиции (распространенной почти повсеместно); в обществах предыдущих эпох такое разделение отнюдь не естественно, а скорее является навязанным и модернизаторским; более того, даже

в современном мире по мере исследования природы каждой из этих трех социальных сфер обнаруживается их глубокое взаимопроникновение.

Предлагаемый подход, позволяя построить понятия, объясняющие динамику и эволюционные процессы человеческой истории, восполняет указанные пробелы с помощью категории порядка, моделей взаимодействия и козволюции порядков.

Порядок (базовая категория) – понимается как относительно устойчивый комплекс элементов и социальных процессов от *ультрамикро-* (здесь-и-сейчас) до *макро-* (крупные социальные целостности в течение десятилетий) [Норт и др., 2011; Розов, 2017]. В качестве универсального источника изменений выступает *функциональный порядок*. Этот конструкт, соединяя схемы А. Тойнби и А. Стинчкомба, играет роль «противоречий» в концепциях исторического развития Гегеля, Маркса и их последователей.

Ментальный порядок включает социально значимые характеристики сознания, поведения индивидов и групп, а также элементы веберовского блока *религия/культура/символы*; они отчасти пронизывают сознание живущих людей, отчасти объективированы в образах (культурных текстах в широком смысле) и транслируются в поколениях. Поведение людей определяется их *установками*, формируемыми в процессах инкультурации и социализации.

Социальный порядок включает все устойчивые паттерны человеческих взаимодействий, объединяя три веберовских блока: *политика/власть/государство*; *экономика/богатство/рынки*; *насилие/могущество/геополитика*. Социальный порядок тесно связан с материальной основой человеческой жизни, включающей *демографию/ландшафты/расселение* и *экологию/ресурсы/технологии*.

Фигурации, режимы и практики. Модель козволюции порядков ближе всего к понятию *фигурации* [Элиас, 2001], причем меняющийся *социальный порядок* соответствует его категории социогенеза, а *ментальный порядок* сочетает психогенез с концепцией культурных образцов и *сакральных объектов* [Дюркгейм, 1998] – святынь, символов, ценностей. Каждый социальный порядок включает *режимы* – политические режимы, хозяйственные уклады, производство, торговлю, типовое поведение в семьях – т.е. всю совокупность рутинных процессов, в том числе социальных практик как повторяющихся взаимодействий.

На ультрамикроуровне модель порядков опирается на теорию *интерактивных ритуалов*¹. Все практики в той или иной мере имеют ритуальную природу, поэтому в них формируются, укрепляются, разрушаются или трансформируются внутренние установки участников через возникающие синхронизированные эмоции и психофизиологические ритмы [Collins, 2004: 47–101]. Установки поддерживаются и сменяются посредством механизма положительных и отрицательных подкреплений согласно принципам *оперантного обусловливания* [Скиннер, 1986; Розов, 2017: 35–36].

Функциональный порядок поддерживает стабильность. Под *функциональным порядком* понимается аналитически выделенная абстрактная динамическая система связей. В ее основе – заимствованная у А. Стинчкомба [Stinchcombe, 1987: 136; Розов, 2017: 37] схема взаимодействий переменных (рис. 1).

Для поддержания на приемлемом уровне *гомеостатической переменной Н* (предмета постоянной заботы) используется *активность обеспечивающей структуры S* (социального института, практики, технологии, ритуала или традиции). Действие структуры *S* тем интенсивнее, чем ниже значения *гомеостатической переменной Н* (негативная связь). Сама же структура *S* своим действием восстанавливает, усиливает *Н* (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие *напряжения Т*.

Действие структуры *S* «не бесплатно» и сопровождается *издержками С*, которые растут по мере роста интенсивности *S* (положительная связь), причем рост издержек *С* естественным образом угнетает интенсивность структуры *S* (негативная связь), кроме того, может прямо усиливать напряжение *Т*.

¹ О функциональном воздействии ритуалов на сознание участников писали Э. Дюркгейм и Б. Малиновский. Понимание широкого круга человеческих взаимодействий как ритуалов достигнуто У. Уорнером и Э. Гофманом [Уорнер, 2000; Гофман, 2009]. Стройная социологическая теория интерактивных ритуалов, опробованная в множестве эмпирических областей, построена Р. Коллинзом [Collins, 2004].

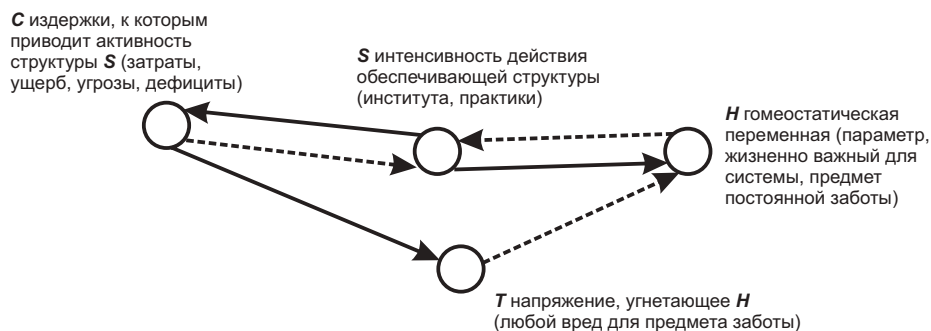

Рис. 1. Модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу

Примечание. Здесь и далее в схемах взаимосвязи переменных сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую), а пунктирные – отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь.

Элементы и процессы социальных порядков (типичные взаимодействия, практики, отношения, институты, организации, в том числе, ведомства, государства) являются *обеспечивающими структурами*. До тех пор, пока «все идет хорошо», т.е. структуры функционируют и воспроизводятся, сохраняется социальная стабильность.

Вызовы-ответы, обновление обеспечивающих структур и предметов заботы – стержень исторической динамики. В истории стабильность нередко нарушается, институты, организации, государства трансформируются, разрушаются или сменяются. Здесь и оказываются полезными эвристики, предоставляемые функциональной моделью: действие каждой обеспечивающей структуры сопровождается издержками [Норт, 1997]², также действуют напряжения, подрывающие предметы заботы.

Функциональный порядок выделяется только аналитически: все в нем происходящее осуществляется через те же социальные структуры и практики, через тех же людей (индивидов, групп) со своей ментальностью. На индивидов воздействует окружающий социальный порядок, а сам он испытывает влияние ментальности включенных в него индивидов. С функциональным порядком сложнее – здесь речь может идти только о смене точки зрения, способа рассмотрения.

Например, в *социальном порядке* роспуск полиции, замена ее народными дружинами (милицией) ведет к росту бандитизма, снижению контроля над насилием (как весной 1917 г. в Петрограде). В *ментальном порядке* эти процессы могут осмысляться в разных группах как «свежий ветер революции», «кошмарный хаос», «приход Антихриста и конец времен» или «грабь награбленное!»

В *функциональном порядке* смена одной обеспечивающей структуры на другую ведет к резкому росту издержек и напряжений в отношении таких предметов заботы (гомеостатических переменных) как личная безопасность граждан и защита собственности. До определенных пределов изменений гомеостатика обратных связей «справляется» (см. выше). При достижении критических значений (обрушение предметов заботы) система дает «сбой». Здесь функциональную схему Стинчкомба следует дополнить моделью вызов-ответ А. Тойнби.

Выделим *вызовы-угрозы*, чреватые ущербом, увеличивающие напряжения, и *вызовы-возможности*, открывающие новые привлекательные перспективы. Ответы на критические вызовы (для которых не работают стандартные реакции) всегда требуют мобилизации и в разных условиях приводят к разным траекториям исторической динамики (см. ниже). В числе возможных вариантов: возврат к стабильности с частичным изменением порядков; переход к периоду турбулентности (с кризисами и насильственными

² «Институты меняются, и самым важным источником этих изменений являются фундаментальные изменения в соотношении цен» [Норт, 1997:109].

конфликтами); распад социальной и политической целостности [Tainter, 1988]; формирование комплекса динамических стратегий и относительно быстрая совместная трансформация всех трех порядков, переход к новой конфигурации [Snooks, 1996].

При успехе ответов формируются устойчивые *ответные стратегии*, как правило, включающие практики, взаимодействия, отношения. Когда такая стратегия обрывает институциональными правилами и организациями, тогда появляется *новая обеспечивающая структура*. Такие стратегии и структуры заимствуются у соседних групп и обществ либо берутся из смежных сфер деятельности, либо складываются из имеющихся элементов.

Изменчивость порядков и базовый механизм козволюции. При всем разнообразии процессов исторических изменений объяснительная модель должна иметь определенную степень жесткости. Будем считать неизменными принципиальные связи между порядками, тогда как содержание порядков может меняться (рис. 2).

В *социальном порядке* всегда происходит явная или неявная борьба индивидов, групп, организаций за усиление своих позиций (во власти, богатстве, престиже, могуществе). Опасность проиграть является вызовом-угрозой для каждого субъекта, а надежда выиграть имеет статус вызова-возможности. Кроме того, сами практики имеют недостатки, порождают издержки, обнаруживают новые перспективы, что также ведет к вызовам-угрозам и вызовам-возможностям. Здесь уже действует *функциональный порядок*: объективные связи между предметами заботы, обеспечивающими структурами, издержками и напряжениями.

Подрыв предметов заботы и вызовы-угрозы проявляются как дискомфорт в *ментальном порядке*. В бурных обсуждениях, поиске, творчестве, пробах и ошибках люди возвращаются к прежним, латентным ответам или же находят новые – стратегии и практики, которые при успехе превращаются в структуры (институты и организации) в социальном порядке и играют роль преобладающих обеспечивающих структур в функциональном порядке. Неизбежно в ментальном порядке при этом формируются новые установки

Рис. 2. Основные связи (заштрихованные стрелки) между порядками, составляющие механизм их козволюции

и габитусы участников этих структур и взаимодействий. Если избранные практики имеют насильственный характер и наносят ущерб противникам, для последних резко возрастают вызовы-угрозы и напряжения, опять же мобилизующие на поиск эффективных ответов.

Провал ответов на вызовы ведет к рефреймингу – смене не только привычных практик, но и поведенческих установок, а при глубоких фрустрациях и последующих положительных подкреплениях новых практик и социальных позиций меняются также познавательные установки (картины мира, фреймы), символические установки (святыни, ценности) и даже экзистенциальные установки (идентичности).

Группы, организации выбирают идеи и лозунги, исходя из глубинных установок, актуальных интересов, а также соответственно логике конфликтов и союзов. Победившие в мирной конкуренции или конфликтах партии, коалиции используют воспринятые идеи как новые предметы заботы (например, стремления к религиозному мессианству, гражданскому равенству, справедливости, демократии и проч.) и как образцы трансформации обеспечивающих структур: отношений, институтов, практик – обновленных социальных порядков. Одновременно эти идеи, образцы в процессах инкультурации и социализации становятся установками сознания и поведения больших социальных групп (сословий, классов, страт, слоев), формируя тем самым новый ментальный порядок.

Условия выбора траекторий исторической динамики. *Условия возврата к стабильности и поэтапных прогрессивных изменений.* Если новые практики и отношения приводят к восстановлению предметов заботы и комфорта путем надежной нейтрализации напряжений и угроз, то в ритуалах празднования этого успеха положительно подкрепляются все социальные и символические установки (ментальный порядок), способствующие установлению и функционированию соответствующих институтов, организаций, практик, ответных стратегий на типовые вызовы (в социальном порядке) – более эффективных обеспечивающих структур (в функциональном порядке).

Условия сохранения неустойчивости. Если новые практики и отношения временно восстанавливают предметы заботы и комфорт влиятельных групп, но без нейтрализации напряжений и угроз, то последние возобновляются. Период неустойчивости продолжается до тех пор, пока не будут найдены эффективные ответные стратегии или не произойдет соскальзывание к насильственным конфликтам и распаду.

Условия эскалации конфликта. Если издержки и предметы заботы не восполняются, если в борьбе ни одна из коалиций не способна подчинить остальные (принудить их влиться в свой социальный порядок) и не удастся прийти к компромиссу, то нарастает насильственный характер и масштаб конфликтов. Противостоящие друг другу социальные группы, организации берут наиболее подходящие их глубинным установкам старые и новые образцы в качестве символов солидарности и лозунгов борьбы. Происходят серии мятежей, революций, гражданских и международных войн [Коллинз, 2015].

Условия распада социальной целостности. Если в результате турбулентности и насильственных конфликтов ресурсы и решимость для борьбы иссякли, притом что каждая коалиция сумела укрепиться на части территории, то политическая целостность распадается [Tainter, 1988], а в каждой части устанавливается своя фигурация трех порядков со своей динамикой (что не исключает возможность последующей реинтеграции или поглощения).

Условия бурного развития, расцвета. Если восполнение предметов заботы приводит к новым издержкам, напряжениям, вызовам-угрозам, а также новым вызовам-возможностям, причем каждый раз для них находятся адекватные обеспечивающие структуры (сопряженные обновления социального и ментального порядков приводят к преодолению трудностей и реализации открывающихся возможностей), то складываются комплексы *динамических стратегий* [Spooks, 1996; Розов, 2017: 40–42] и происходят процессы быстрого роста и развития, иногда в течение нескольких поколений. В истории такого рода явления обозначаются как «триумфальное расширение империи», «экономическое чудо» или «социальный и культурный расцвет».

Условия установления и распространения новой фигурации. При столкновении социальных целостностей, имеющих разные фигурации, происходят конфликты или установление мирных отношений, но в любом случае идут процессы подражания, заимствования, диффузии образцов. При имеющихся ментальных способностях каждая сторона воспринимает те обеспечивающие структуры и их элементы, которые наиболее эффективны для актуальных предметов заботы (поэтому наибольшее стремление всегда наблюдается

к заимствованию лучшего оружия). Таким образом, через подражание, завоевания и/или обмен эволюционно побеждают и распространяются фигурации с более сбалансированным сочетанием порядков и более эффективными практиками, институтами, соответствующими культурными образцами и психическими установками. Иными словами, успешные фигурации распространяются вширь, поскольку общества с такими фигурациями доминируют в сферах геополитики, геоэкономики, геокультуры и становятся образцами для подражания. Так формируется поступательный характер социальной эволюции – смены стадий социального развития [Sanderson, 1995]. Данный взгляд не противоречит многолинейной модели эволюции, поскольку на каждой стадии сосуществуют более или менее паритетные в плане доминирования фигурации [Дьяконов, 1994; Розов, 2002].

Объяснение циклической политической истории России. Модель козволюции порядков на основе сформулированных постулатов объясняет основные траектории исторической динамики и социальной эволюции. Строгим испытанием должна послужить попытка применения модели к специфической циклической динамике в истории России. Известные российские циклы представляют собой повторяющиеся переходы между фазами в пространстве с параметрами *государственный успех* (социально-политическая стабильность, легитимность власти и режима, могущество и влияние на внешней арене) и *свобода* (защищенность свободы и собственности граждан, верховенство права, уровень участия граждан в принятии решений).

Наиболее яркие паттерны цикличности – *провалы либерализации*, как правило, связанные с падением уровня государственного успеха, и *авторитарные откаты* – попытки правящих групп восстановить государственный успех, укрепить свою власть мерами, ведущими к ущемлению гражданских и политических свобод, отъему собственности и т.п. Обзор обширной литературы по российским циклам и версии порождающего их механизма представлены в книге [Розов, 2011]. Модель козволюции трех порядков дает новые понятийные средства для прояснения важнейших аспектов циклической динамики.

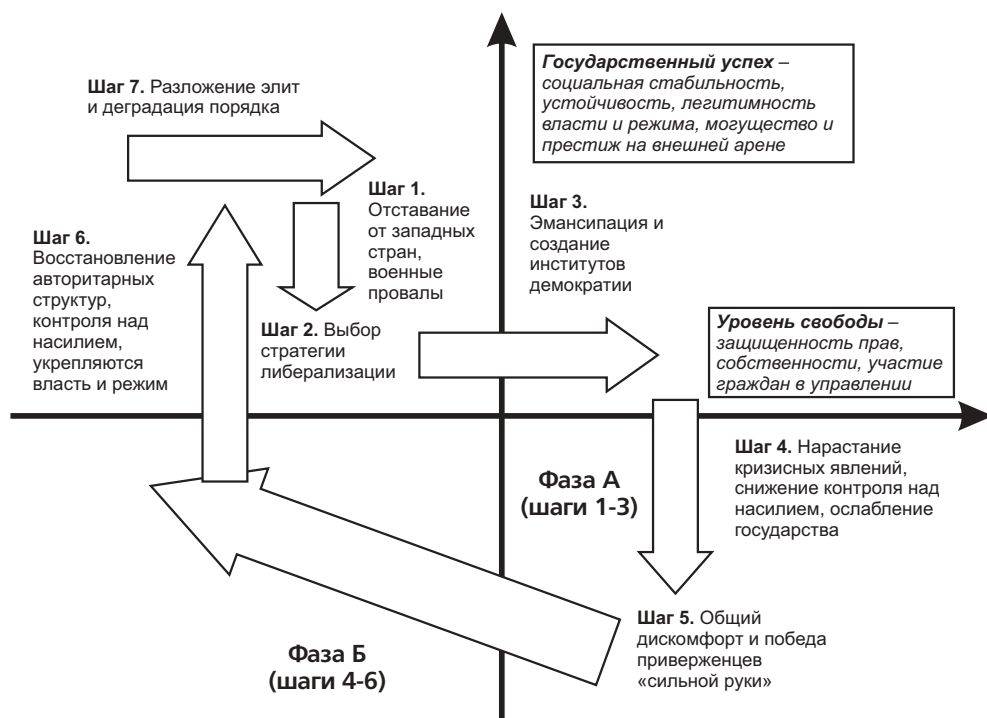
Перечислим наиболее яркие попытки либерализации в истории России (ограничимся двумя столетиями): проекты реформ в начале царствования Александра I; великие реформы Александра II; введение парламентаризма Октябрьским манифестом 1905 г.; «медовый месяц» после Февраля 1917 г., НЭП 1921–1928 гг., оттепель 1956–1968 гг., перестройка 1987–1991 гг., ельцинский период 1990-х гг., заявленная «модернизация» 2008–2011 гг. При всех очевидных различиях эти случаи имеют ряд общих черт:

- правитель (правящая группа) планируют и ведут либеральные реформы для выхода из острого кризиса, угрожающего режиму и власти, либо для преодоления явного отставания от западных держав;
- эти реформы (или даже планы реформ) вызывают неприятие высших классов, тормозятся или блокируются ими;
- если реформы все же осуществляются, то они по ряду причин ведут к росту социального напряжения, массовому разочарованию;
- накаливаются кризисные явления, иногда цепь обостряющихся конфликтов ведет к упадку, подрыву порядка и государственности, вплоть до распада;
- выход из кризиса, восстановление государственного успеха (хотя бы видимого или краткосрочного) происходит через авторитарный откат – отмену либеральных послаблений, сокращение свобод и прав граждан, построение систем принудительного администрирования («вертикали власти») и репрессивного аппарата (рис. 3).

Стержень порождающего механизма российских циклов составляют *социальные структуры* (практики, институты и организации), основанные на принуждении, особые *культурные образцы*, транслируемые в поколениях («царь», «порядок», «сильная рука», «управа нужна», «плетью обуха не перешибешь» и т.п.) и соответствующие *установки сознания и поведения* [Розов, 2011].

Что добавляет концептуализация трех порядков? Естественным образом обеспечивающие структуры и практики попадают в социальный порядок, диахронные культурные образцы и установки сознания живущих поколений составляют основу ментального порядка. Дополнительный потенциал для объяснения получаем за счет закономерностей динамики функционального порядка.

Либеральные реформы российских правителей (во всех своих исторических изводах) получают статус *ответных стратегий* на вызовы-угрозы (опасное, чреватое военными

Рис. 3. Один из контуров циклической динамики в истории России, когда в качестве ответной стратегии на отставание и провалы власть выбирает либерализацию

поражениями и утерей престижа отставание от западных держав,) и на вызовы-возможности (надежды на быстрое экономическое, технологическое и социальное развитие, процветание, рост внешнего и внутреннего престижа, могущества, шаги 1 и 2 на рис. 3 и 4). Проводимые либеральные реформы (шаг 3) имеют два главных компонента:

- эмансипационный, направленный на отмену ограничений прав и свобод, на отмену полицейских законов, на декриминализацию ранее запрещенной деятельности в политической, экономической, культурной сферах; на отмену/ослабление репрессивных практик; сюда относятся отмена крепостного права, разрешение поступать в учебные заведения тем, кому было запрещено, отмена цензуры, расширение активного и пассивного избирательного права, разрешение иметь частную собственность, нанимать работников и торговать на рынке, разрешение менять место жительства, выезжать за границу, эмигрировать и т.п.;

- конструктивно-институциональный, состоящий в создании ранее не существовавших социальных структур, прежде всего, организаций, направленных на обеспечение прав и свобод граждан, на расширение их участия в политике, а также институтов гражданского общества, – земств, суда присяжных, парламента, избирательных комиссий, местного самоуправления, профсоюзов, общественных приемных, правозащитных организаций и т.п.

В первом – эмансипационном – компоненте новые структуры не создаются, но существенно меняются практики и взаимодействия в прежних структурах, которые обеспечивали не только крепость власти и режима, но также широчайший спектр базовых социальных функций и соответствующих предметов заботы: контроль над насилием; социально-политическую стабильность; защиту от преступлений; защиту собственности; кадровый отбор на занятие руководящих должностей; препятствие злоупотреблениям властью; социализацию и инкультурацию подрастающих поколений и т.д.

Поскольку прежние обеспечивающие структуры опирались большей частью на вертикальные отношения власти/подчинения, на принуждение с угрозами начальственных

Рис. 4. Объяснение «провала либерализаций» в российской циклической динамике через взаимодействие трех порядков

санкций, эмансипационные меры вначале воспринимаются с большим энтузиазмом. Но они закономерно ослабляют, а то и подрывают прежние принудительные отношения, что неизбежно ведет к снижению, в крайних случаях (1917 г.) – обрушению базовых предметов заботы и всего социального порядка (шаг 4).

Общий дискомфорт от этих негативных эффектов оказывается гораздо сильнее, чем восприятие достоинств и нужности появившихся демократических структур и либеральных новшеств (например, парламента и свободной прессы). Либерализация как ответная стратегия получает в целом отрицательное подкрепление (по Скиннеру), происходят процессы фрустрации и рефрейминга, что получает общий знаменатель с формулой «необходимо восстановить порядок, а сделать это может только твердая власть». В политической борьбе мирно или путем насилия побеждают лидеры и группы, лучшим образом отвечающие таким установкам (шаг 5).

Придя к власти, они восстанавливают принудительные структуры, отменяют большинство эмансипационных мер, распускают или подчиняют, превращая в фикции, демократические структуры. Все эти меры и дают в результате авторитарный откат (шаг 6). Закрепившиеся структуры вертикального принуждения приводят к тому или иному уровню государственного успеха, легитимируют и укрепляют авторитарный режим, но на длинной дистанции вновь приводят к стагнации, обуславливая новый виток отставания от высоко референтных для России западных обществ (шаг 7). Это возвращает систему к шагу 1, и цикл замыкается³ (рис. 3, 4).

³ Полная структура российских циклов наряду с данным контуром включает также фазы успешной мобилизации и государственного распада, об условиях такой динамики см.: [Розов, 2011].

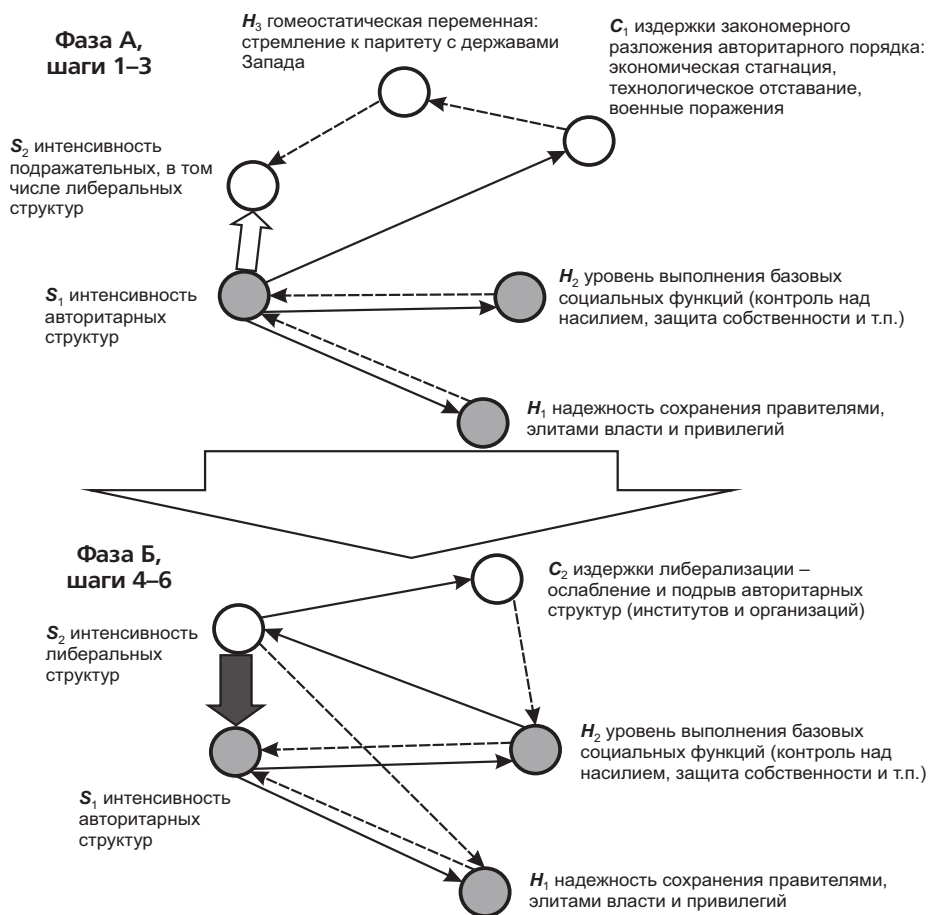

Закономерные динамические связи между переменными в функциональном порядке представлены на рис. 5.

Итак, модель коэволюции трех порядков вполне пригодна для объяснения циклической динамики, но имеет ли она прикладное значение? Если признать российские циклы контрпродуктивными, блокирующими поступательное развитие общества [Розов, 2011], возникает вопрос: что дает объяснительная схема коэволюции для понимания возможностей выхода из «колеи циклов»?

Концептуально это преодоление («перевал» – переход в новую логику исторического развития) фиксируется как сочетание высокого уровня государственного успеха и высокого уровня свободы (рис. 3). Критическими оказываются шаги 3 и 4 (рис. 4), в которых условия, преодолевающие провал либерализации, заключаются в следующем:

- эмансипационные меры (смягчение, устранение принудительных, репрессивных структур и практик) не должны подрывать основы социального порядка – контроль над насилием, уважение к закону, безопасность личности, защиту собственности;
- новые или преобразованные институты и организации (либеральные, демократические) должны замещать, вытеснять прежние (авторитарные) только по мере успешности

Рис. 5. Динамическая модель, объясняющая контур циклической динамики России с либерализацией и авторитарным откатом. В каждой фазе заштрихованы вершины графа, означающие базовые переменные. Белые вершины означают факторы, наиболее значимые для перехода к либерализации (фаза А) и провала либерализации (фаза Б)

выполнения базовых функций – поддержания инфраструктуры, сбора налогов и исполнения бюджета, имплементации законов и т.д.

Анализ взаимосвязи переменных (рис. 5) позволяет уточнить эти условия:

- в фазе А активность новых или преобразованных структур S_2 должна положительно действовать на предмет заботы H_3 – паритет с референтными державами Запада, а также снижать издержки C_1 – блокировать присвоение элитами государственных ресурсов и общественных благ, т.е. коррупцию, характерную и закономерную для разлагающегося авторитарного порядка (отметим, что на рис. 5 эти связи отсутствуют, как и в реальности);

- в фазе Б основной задачей остается снижение издержек либерализации C_2 (см. выше о замещении авторитарных структур), то есть ослабление положительной связи между S_2 и C_2 ;

- уровень выполнения базовых социальных функций H_2 следует «переключить» на новые структуры S_2 ; это означает создание отрицательной связи от S_2 к H_2 , создание обратной положительной связи, а также ослабление, устранение привычных старых связей между H_2 и S_1 (активностью авторитарных структур и практик); например, обнаруженные факты коррупции, нарушения в сфере экологии или пожарной безопасности будут вести уже не к жалобам начальству с надеждой на «управу» – административное принуждение, а к гражданским искам и судебным разбирательствам;

- весьма проблемной видится негативная связь от S_2 (интенсивности новых либеральных структур) к H_1 (надежности сохранения правителями, элитами власти и привилегий); в циклической динамике она способствует возврату к авторитарным структурам S_1 ; судя по всему, сам этот предмет заботы должен быть преобразован; элиты неистребимы при любом порядке, но надежность позиций им должны обеспечивать как раз демократические и правовые структуры, которые защищают проигравших в политической конкуренции (уходящих в оппозицию) и поощряют достигших успеха в общественном благе (предметах заботы H_2 и H_3).

Глубокая укорененность всех подлежащих изменению и преодолению связей в сознании живых людей, транслируемых в поколениях культурных образцах (ментальный порядок), а также в каждодневных практиках, взаимодействиях (социальный порядок) позволяет судить о масштабе трудностей в преодолении российской «колеи». При этом прояснение природы циклов заторможенного, отстающего развития, понимание их внутренних механизмов противостоит настроениям безнадежности и фатальности, дает интеллектуальные орудия и обоснованные цели для преодоления цикличности и прорыва к траекториям поступательного восходящего исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: РОССПЭН, 2006. С. 453–484.
- Гофман И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Дьяконов И.М. Пути истории. М.: Восточ. лит-ра, 1994.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, гл. 1.) / Пер. с фр. А.Н. Красникова // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. С. 174–230.
- Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС, 2015.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономич. книги «Начала», 1997.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
- Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.
- Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016.
- Розов Н.С. Концептуализация связи Structure/Agency // Философия и общество. 2017. № 1. С. 29–47.
- Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М.: МГУ, 1986. С. 60–95.
- Тойнби А. Постыжение истории / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Прогресс, 1991.
- Уорнер У. Живые и мертвые / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.–СПб.: Универ. книга, 2000.

- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2 / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.–СПб.: Универ. книга, 2001.
- Collins R. *Interactive Rituals Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Sanderson S. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Blackwell, 1995.
- Snooks G. *The Dynamic Societies. Exploring the Sources of Global Change*. London, New York: Routledge, 1996.
- Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.
- Tainter J. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge, NY: Cambridge Univ. Press, 1988.

Статья поступила: 07.05.18. Принята к публикации: 20.05.18.

COEVOLUTION OF THREE ORDERS – AN EXPLANATION OF RUSSIAN CYCLES DYNAMICS

ROZOV N.S.

Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nikolai S. ROZOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher in the Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Head of Department for Social Philosophy and Political Sciences of Novosibirsk State University; Professor of Department for International Affairs and Regional Studies of Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (nrozov@gmail.com).

Abstract. On the basis of the synthesis of classical and modern sociological concepts, a model of co-evolution of three orders is constructed: the *functional order* (objects of care, providing structures, costs, tensions – A. Stinchcombe), the *social order* and the *mental order*. The orders are linked in productive and ceremonial practices i.e. *interactive rituals*, where the attitudes of the participants are formed, supported or destroyed through the mechanism of *positive and negative reinforcements* (B.F. Skinner). A stable *figuration* (N. Elias) is a relatively harmonious combination of these orders. Sometimes it is disrupted due to growth of costs and accumulation of tensions, as well as by internal and external *challenges-threats and challenges-opportunities*. The responses to these challenges lead to different trajectories of historical dynamics: step changes, escalation of conflicts, turbulent periods, rapid rise and flowering, transition to a higher stage of evolution. On the basis of this model, an explanation of the important contour of the well-known Russian cycles is offered: attempts to “liberalize from above”, their failures, and subsequent “authoritarian throwbacks”. The deep rootedness of all systemic links as a subject to change in the mental attitudes of living people, cultural patterns transmitting in generations (mental order), as well as in everyday practices and interactions (social order), allows to evaluate how difficult is overcoming the Russian cycles.

Keywords: macrosociology, co-evolution of orders, historical dynamics, social order, mental order, functional order, attitude, figuration, Russian cycles, liberalization, authoritarian throwback.

REFERENCES

- Collins R. (2004) *Interactive Rituals Chains*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Transl. from Eng. by N.S. Rozov. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Diakonoff I. (1994) *The Paths of History*. Moscow: Vostochn. lit-ra. (In Russ.)
- Elias N. (2001) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Studies*. Vol. 1, 2. Transl. from Ger. by A.M. Rutkevich. Moscow – Saint Petersburg: Univer. kniga. (In Russ.)
- Goffman I. (2009) *Interaction Ritual: Essays in Face to Face Behavior*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- North D. (1997) *Institutes, Institutional Changes and Functioning of the Economy*. Transl. from Eng. by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonom. knigi “Nachala”. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Transl. from Eng. by D. Uzmaner, M. Markova, L. Raskov, A. Raskova. Moscow: Izd-vo in-ta Gaidara. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2002). *Philosophy and Theory of History*. 1st book. *Prolegomena*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2016) *Ideas and Intellectuals in the Stream of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education*. Novosibirsk: Manuscript. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2017) The Conceptualization of Structure/Agency Linkage. *Filosofija i obshchestvo* [Philosophy and society]. No 1: 29–47. (In Russ.)
- Sanderson S. (1995) *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Blackwell.
- Skinner B.F. (1986) The Operant Conditioning. In: *The History of Foreign Psychology*. Texts. Moscow: MGU: 60–95. (In Russ.)
- Snooks G. (1996) *The Dynamic Societies. Exploring the Sources of Global Change*. London, New York: Routledge.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Tainter J. (1988) *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge, New York: Cambridge Univ. Press.
- Weber M. (2006). Basic Sociological Concepts. In: Weber M. *Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Transl. from Eng. by M.I. Levina. Moscow: ROSSPEN: 453–484. (In Russ.)

Received: 07.05.18. Accepted: 20.05.18.